

ХУЛИГАНУ на вид было лет семьдесят. Солд-ный такой, в очках, Беляев скорее походил на строгого университетского профессора. Он сидел за столиком возле сцены в компании друзей-музыкантов и напряженно, с некоторой опаской поглядывая на бурлящий вокруг него людской поток, ел горячее жаркое.

- Ешь, Костя, потом будет некогда! - с трогательной заботой советовал ему какой-то бородастый господин.

Вокруг меня, в тесном пространстве полутемного, прокуренного зала, украшенного необъяснимыми фаллическими символами, происходила обычная, земная, кабацкая суета. Кто-то обнимался и целовался, кто-то, аппетитно причмокивая, уплетал шашлык, запивая его

ристу и басиста, ударяет по струнам своей старенькой семиструнной гитары и неожиданно превращается из слегка усталого, строгого университетского профессора в подгулявшего одесского хулигана. Каждое матерное слово, используемое автором в исполняемых песнях, вызывало такую бурную реакцию зала, которой наверняка позавидовал бы великий Дежл. Да что там Дежл! Сам Киркоров бы от зависти и безысходности запил втихую и ушел бы в монастырь.

А если, не приведи Бог, попадался куплет без мата, Константин вставлял в него самое популярное в народе слово «бл...», и куплет сразу как-то преображался и начинал как бы играть новыми сияющими гранями.

Неисправимый хулиган Беляев выглядел очень импозантно.

Интеллигенция поет БЛАТНЫЕ ПЕСНИ

В клубе «Проект О.Г.И.» состоялся концерт классика матерных частушек и хулиганских песен Константина Беляева

пивом, кто-то громко искал свободный стул.

- ...Я не думаю, что проблема децентрации субъекта - главное в творчестве Фуко! - негромко говорил кто-то позади меня нежным женским голосом. Обернувшись, я увидел пред собой необыкновенной красоты хрупкую девушку, восторженный взгляд которой был устремлен на собеседницу, крижистую девицу с короткой, неаккуратной стрижкой. Опасаясь быть втянутым в непонятную дискуссию, я на всякий случай перешел на другую сторону зала.

- ...Пойми ты, чудило! После Ван ден Хевеля никто вплотную и не занимался коммуникативно-дискурсивным анализом по принципу интертекстуальности...

Пивная кружка едва не выпала из моих ослабевших рук. Да вы что тут сговорились, что ли? Какая-то лингвистическая мафия!

Но тут на сцену, наконец-то доев свое жаркое, поднимается неисправимый хулиган Беляев в сопровождении музыкантов: баяниста, гита-

- «Холеру» давай! - орали неистовые лингвисты.

- Костя! «Ах вы груди» пой! - вторили им стилисты.

- «Вклад ассенизатора!» - горланили поэты.

- Ну вы ребята прих...ли! Интеллигенты когда просят - они подносят! - с ярко выраженной одесским акцентом, остроумно переводил концерт в русло товарно-денежных отношений пожилой хулиган. - Слабо столик баксов положить?

Интеллигенция сразу сникала. Но Константин, несмотря на матерьяльные затруднения, все же пел «Холеру». «Подхватила ту холеру одна бл... от кавалера», - откровенно рассказывалось в этой песне о холере в Одессе в 1970 году.

«Писатель, Горький Алексей был остроумнейший еврей! - запекает Константин. И длинноволосый юноша, и прекрасная приверженка традиционной трибиадии, и престарелый рокер в

джинсовой жилетке в едином эстетическом порыве подхватывают знакомый с детства припев: «Еврей, еврей! Кругом одни еврей!»

«По тундре, по железной дороге. Где мчит курьерский Воркута - Ленинград...» - поет своим высоким голосом певец. И я вдруг с изумлением замечаю, что давно уже, стоя посреди зала с пивной кружкой в руке, пою вместе со всеми, изредка икая в трудноисполнимых местах, и на глазах моих застыли слезы немого недоумения.

Отчего? Почему? За что мы так любим нашу русскую экспрессивную лексику? О!

Загадочная русская душа! Ни один гимн еще так не объединял меня с массами, как в этот вечер знаменитый, вечно молодой, неуязвимый хит уркаганов всех времен и народов. Забыты на время все печали и заботы. Ни слова о земельном кадастре и об аресте Павла Бородина. Есть только железная дорога, бесконечная тундра, неутомимый, целеустремленный беглец Кирюха, а с ним певец хулиганов и интеллектуалов - озорной бард из прошлого века Беляев Костя и его музыка.

Александр МЕШКОВ.

Фото автора.

ИЗ ДОСЬЕ «КП»

Константин Николаевич Беляев родился в 1934 году в Одессе. Выпускник Института военных переводчиков. Работал диспетчером-переводчиком аэропорта «Шереметьево», преподавателем английского языка в московских вузах. В 60-х годах был одним из самых популярных авторов-исполнителей блатных песен. В 1983 году был осужден по 162 статье (за занятие запрещенным промыслом, тиражирование магнитофонных записей) на 4 года с конфискацией имущества. Отбывал срок на Устюжанской зоне усиленного режима. С 1993 года снова обратился к песенному творчеству. Выступает в ночных клубах. Выпустил два диска «Озорной привет из застойных лет» и «Отбегались, отпрыгались!» и 35 магнитофонных альбомов.

ВЫСТАВКИ

Взгляните на звезду его глазами...

На этой неделе в муниципальном выставочном зале «Галерея А-3» открылась выставка фотографий Сергея Абраменкова

Он работал помощником главного редактора радиостанции «Эхо Москвы» и трагически погиб 21 октября 2000 года на Ленинградском проспекте в Москве. Ему было всего 21 год...

За три года работы на радиостанции Сергей сделал более десяти тысяч снимков. В экспозиции представлено более ста из них. В основном это психологические фотопортреты гостей «Эха Москвы» - известных российских и

зарубежных политиков, писателей и артистов. Сияющая Юлия Меншова, озадаченный Марат Сафин, потрясающая Патрисия Каас, добродушный Билл Клинтон... Кроме фотографий звезд, на выставке есть и снимки, сделанные во время путешествий по Турции, Чехии, Испании, Франции...

В скором времени фотографии Сергея Абраменкова будут изданы отдельным художественным альбомом. Некоторые его работы можно посмотреть в Интернете. Выставка продлится до 29 января включительно.

Светлана ОЛИФИРОВА.

К открытию выставки Сергея Абраменкова был издан специальный буклет.

СПОЕМ ВМЕСТЕ

По тундре

Это было весною, зеленеющим маем,
Когда тундра надела свой зеленый наряд.
Мы бежали с тобою, опасаясь погони,
Чтобы нас не настигнул пистолета заряд.

Дождь нам капал на рыла и на дула наганов.
Вохра нас окружила, «руки в гору» крича,
Но они просчитались, окружены пробито.
Кто на смерть смотрит прямо,
пуля тех не берет.

По тундре, по железной дороге,
Где мчится поезд Воркута - Ленинград,
Мы бежали с тобою, опасаясь погони,
Чтобы нас не настигнул пистолета заряд.

Рано утром проснешься, на поверку постройт.
Вызывают - Васильев! И выходишь вперед.
Это Клим Ворошилов и братишка Буденный
Даровали свободу - их так любит народ.

Вы теперь на свободе, о которой мечтали,
О которой так много в лагерях говорят.
Перед нами раскрыты необъятные дали.
Как теперь тебе спится, пистолета заряд?

По тундре, по железной дороге,
Где мчится поезд Воркута - Ленинград,
Мы бежали с тобою, опасаясь погони,
Чтобы нас не настигнул пистолета заряд.

Я сижу в уголке и плюю в потолок.
Пред законом виновен, а пред Богом я чист.
Предо мной, как икона, вся запретная зона,
А на вышке с винтовкой озверелый чекист.

Мы с тобою бежали, когда тундра одела,
Когда тундра одела свой осенний наряд.
Мы бежали

по тундре вдоль железной дороги,
Где курсирует скорый Воркута - Ленинград.

Дождик лил нам на рыла и на ручки наганов.
Нас Чека окружила, «Руки вверх!» - говорят.
Но они просчитались, окружены пробито.
Тех, кто любит свободу, пули брать не хотят.

Встретит мама сыночка, зарыдает родная,
Зарыдает родная - сын вернулся домой.
Это Клим Ворошилов и братишка Буденный
Даровал нам свободу, и их любит народ.

Это было весною, в зеленеющем мае,
Когда тундра проснулась,
развернулась ковром.
Мы бежали с тобою, замочив вертухая,
Мы бежали из зоны - покати нас шаром.

Мы бежали, два друга, опасаясь тревоги,
Опасаясь погони и криков солдат.
Лебединые стаи нам навстречу летели,
Нам на юг, им на север -
каждый хочет в свой дом.

Эта тундра без края, эти редкие ели,
Тот день бесконечный - ног не чуя, бредем.
Ветер хлещет по рылам, свищет в дуле
нагана,
Лай овчарок все ближе, автоматы стучат.

Я тебя не увижу, моя родная мама,
Вохра нас окружила, «Руки в гору!» - кричат.
В дохлом северном
небе ворон кружит и карчет.
Не бывать нам на воле, жизнь прожита зазря.

Мать-старушка узнает и тихонько заплачет:
У всех дети как дети, а ее - в лагерях.
Поздно ночью затихнет наш барак

после шмона,
Мирно спит у параша доходяга марксист.
Предо мной, как икона, запретная зона,
И на вышке все тот же ненавистный чекист.

2 и 14 февраля
2001 года

Лесная, 18

комедия

«Квартет
для Лауры»

тел.: 973-34-61, 251-89-21

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА:
Экстра М, Центр Плюс, Московская Правда,
Метро, Ваш досуг, Досуг в Москве,
Арбат радио, Информ Экском